

Нина КРИВОШЕИНА (1895 – 1981)

ЧЕТЫРЕ ТРЕТИ НАШЕЙ ЖИЗНИ *(отрывок из книги)*

Страшный город был Ульяновск в те годы – дома не ремонтировались больше тридцати лет, заборы и частоколы месяцами лежали, поваленные на тротуар, – приходилось обходить их, сойдя на мостовую, а там зачастую лужа по щиколотку... Во многих домах обрушились балконы; некоторые висели на металлической подпорке вдоль дома и покачивались на ветру. Всё хозяйство города было в полном расстройстве; по две-три недели целые кварталы оставались без воды – не раз пришлось мне растапливать снег в ведре на кухне – и получалось четверть ведра грязной чёрной воды, ведь вся округа бывшего Ильинского Храма была на много сантиметров погребена под угольным шлаком, который день и ночь выплёвывала двадцатипятиметровая труба, победоносно громоздившаяся над алтарём, – а ночью горела она тучками искр вроде фейерверка в день салюта. Вторая труба вделана была внизу, прямо в алтаре, коротенькая, метр-полтора, и открывала она свою громадную пасть прямо на проходной двор – тупик позади храма, где и был расположен ряд домов, небольших, деревянных, – а мы жили как раз в доме против трубы. Каждые двадцать минут труба эта с грохотом сотрясалась, и из неё вылетала громадная порция горячего шлака. Первое время я ночами не могла заснуть – всё ждала: когда же опять загрохочет?..

В последнем доме нашего тупика жила Екатерина Николаевна Венцер, из старой купеческой симбирской семьи Волковых – о ней ещё будет ниже; в её дворе стоял небольшой дом, где жила просвирня – бывшая в прошлые времена горничной у матери Екатерины Николаевны... Характер просвирня имела грозный и держала себя неприступно – но... каждый месяц ей привозили несколько мешков муки (откуда?), и дров у неё было запасено на целый год... К этой просвирне изредка хаживал в гости «поп-расстрига», я его несколько раз видела в нашем тупике: одет он был, как в Малом театре в пьесах Островского купцы – синие брюки заправлены в высокие сапоги, синий армяк с кушаком, на голове картуз тоже матерчатый, синий с козырьком – борода длинная, седая, и походка лёгкая, быстрая,

как у молодого... Идя к просвирне, он останавливался перед бывшим алтарём, перед шлаковой трубой, и долго молился, крестясь, вздыхая и причитая негромко. Молясь, снимал картуз и вдруг становился похож на священника.

Снабжение? Тут, собственно, два периода: вплоть до 1950 года было очень неплохое – много свежей рыбы, колбаса разных сортов, украинское сало в колбасной, всякие конфеты в гастрономах. А на рынке всегда много мяса, отборная свинина, отличные овощи – и картошка... самая вкусная, какую ела за всю жизнь! Однако люди были разорены войной: они покупали, стоя без конца в очереди, жуткую ливерную колбасу, которую и не всякий кот бы съел, а на базаре, где было чудное мясо (по шесть-десять рублей килограмм), позволяли себе изредка купить граммов двести-триста на семью, чтобы сделать к картошке «соус»...

А начиная с указа «о понижении цен на товары», всё более дешёвое и доступное исчезло... и исчезло навсегда. И зайти в колбасную, купить на вечер докторской колбасы стало проблемой: цена на неё была не двенадцать или десять рублей – а... двадцать-тридцать пять! Почему же так, почему нет больше дешёвой колбасы? Ответ был всегда один: «Этих сортов мясокомбинат больше не выделяет». – «Почему же?» – «Да вот потому». С хлебом и мукой было всегда плохо, очереди – часами, хлеб чёрный часто мокрый, тяжёлый как камень. Вот когда и мы узнали, что это значит – купить есть что, но цена-то уже не для нас... Да и всё, что продавалось в ОРСе, было уж не для нас после исчезновения Игоря Александровича.

Помню, как мы с Никитой осенью 1950 года в течение шести часов подряд, сжатые как в тисках, стояли под Октябрьские праздники в очереди, вившейся змеёй, за... килограммом муки... Отстояли всё-таки и получили по кульку – это благодаря Никите – я одна не стала бы ни за что целый день проводить в этой злобной толпе. А военные калек обходили нас, с рыком и бранью оголяли свои страшные культяпки, и их, конечно, пропускали без очереди...

*Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед*